

УДК 94(575.2):81'272(47)

**«Национальный вопрос» в концепции
русских училищ Туркестанского края:
историко-педагогический экскурс**

Сумарокова Ольга Леонидовна

Кандидат исторических наук, докторант,
Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина,
720000, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44;
e-mail: futureya@rambler.ru

Аннотация

В статье исследуются способы решения национального вопроса в контексте развития российской школьной системы в Туркестанском крае в середине XIX – начале XX вв. Проводится анализ государственной политики и общественных инициатив по привлечению коренных жителей Туркестанского края в русские училища. Отмечается, что русская школа Туркестанского края, которая первоначально получила статус «универсального института», созданного как с целью сохранения национальной идентичности русских переселенцев в регионе и развития в них культуртрегерских качеств, так и для обеспечения межнациональной интеграции и роста благосостояния населения, оказалась неспособной составить достойную конкуренцию мусульманским училищам и завоевать популярность в иноземной среде. Рассмотрены методологические принципы организации совместного обучения, ставшего основой билингвального образования в современной России.

Для цитирования в научных исследованиях

Сумарокова О.Л. «Национальный вопрос» в концепции русских училищ Туркестанского края: историко-педагогический экскурс // Педагогический журнал. 2016. № 1. С. 71-86.

Ключевые слова

Туркестанский край, Российская империя, Киргизия, русские училища, национальный вопрос, совместное обучение.

Введение

Выделение Туркестанского края в 1867 г. в самостоятельную административную единицу обозначило предпосылки к распространению и позиционированию здесь на установленном законом основании русского языка. Основным проводником его должна была стать народная школа, распространение и популяризация которой не составили бы особого труда, если бы не разнородность проживавшего в регионе населения – пестрого конгломерата преимущественного тюркских этносов, исповедовавших ислам. Согласно статистическим данным конца XIX в., на огромной площади Туркестанского края их число составляло около 8 265 406 человек [Гейер, 1908, 29]. Помимо их образовательных нужд администрация должна была учесть потребности переселенческого населения, численность которого здесь в ходе крестьянской колонизации с каждым годом увеличивалась.

В первом десятилетии XX в. в Туркестанском крае уже насчитывалось 326 крестьянских поселков переселенцев – преимущественно выходцев из Воронежской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Самарской, Оренбургской и Харьковской областей (численность населения – 248 500 человек). Примерно такой же цифры достигало пришлое городское население в крае [Семёнов-Тян-Шанский, 1913, т. XIX, 332]. Национальный состав переселенцев отличался многообразием, однако самую многочисленную группу составляли русские и украинцы.

**Основные принципы функционирования
русских школ в Туркестанском крае**

В 1870 г. в Ташкенте под председательством делопроизводителя особого отделения Канцелярии Генерал-Губернатора Бродовского была образована

особая комиссия, протокол заседаний которой состоял из обсуждения вопросов об устройстве и развитии учебной части в Туркестанском крае, а также о приведении ее в стройную систему. Высказанные членами комиссии соображения, а также мнение Туркестанского генерал-губернатора легли в основу проекта, представленного к утверждению спустя три года. Одним из его положений стало разрешение *совместного обучения инородцев с русскими*, для чего было решено учредить при каждом русском училище подготовительные классы [Граменицкий, 1896, 5].

«Двери русской школы, утверждаемой в покоренном крае, для всех инородцев, желающих учиться, без различия их национальности и вероучения, всегда и всюду широко открыты, – заявлял первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман. – Наша школа всегда будет для инородцев стоять на почве уважения религиозных верований каждого ее ученика и в своих стенах никогда не будет посягать на прозелитизм» [Остроумов, 1899, 128].

Гарантии «невмешательства» в религиозные дела мусульман, по мнению политиков, могли стать для туземцев одним из приоритетных стимулов к поступлению в русские училища. С этой целью главный инспектор народных училищ А.Л. Кун в речи по поводу торжественного открытия Ташкентской учительской семинарии рекомендовал заведующим русскими училищами региона «не допускать во вверенных им училищах ничего оскорбляющего племенное и религиозное чувство инородцев» [Там же, 129].

Стоит отметить, что идея совместного обучения русских и инородцев являлась феноменом российского империализма, не имевшим повторения ни в одной другой империи, поскольку в основе своей он противоречил принципу социального неравенства наций «аннексирующих» и «аннексируемых», «угнетающих» и «угнетаемых», «господствующих» и «подчиненных», как это было, к примеру, в тот же исторический отрезок времени в Британской Индии, охватывавшей современные территории Индии, Пакистана, Бангладеша и Бирмы.

О чувстве крайнего национального превосходства британцев над индийцами, о «презрительном и высокомерном понимании англичанами туземного типа вообще» детально писал генерал А.Е. Снесарев: «Если бы смотреть на дело с точки зрения христианской морали, то наше слово было бы кратко

и ясно: политика англичан в Индии, должны были бы мы сказать, жестока, эгоистична и отвратительна» [Снесарев, 1906, 164]. Британское презрение, по замечанию востоковеда, распространялось как на низшие, так и на самые высокие классы индийского общества. Любые контакты с туземным населением Индии для британцев, не допускавших даже мысли о возможном социальном равенстве их с индийцами, являлись обременительной обязанностью.

Осознанно ставя своей задачей интеграцию Среднеазиатского региона в Российскую империю, правительство придерживалось кардинально иного взгляда на характер межнационального общения в Туркестанском крае, инициируя не отчуждение либо поглощение, а сближение народов европейской и азиатской частей империи. Идеальной площадкой для формирования толерантной среды и удовлетворения образовательных запросов всех граждан региона, независимо от их национальной и конфессиональной принадлежности, виделась единая государственная школа. К.П. фон Кауфман заявлял: «Туземцы скорее сближаются через это с русскими своими товарищами и осваиваются с разговорным русским языком; русские ученики школы также сближаются с туземцами и привыкают смотреть на них без предрассудков; те и другие забывают племенную рознь и перестают не доверять друг другу... Узкий, исключительно племенной горизонт тех и других расширяется» [Остроумов, 1899, 111].

Методологические основы обучения в российской поликультурной школе Туркестанского края

Идея совместного обучения в Туркестанском крае для Российской империи не была нова: описанная в проекте правильного устройства учебной части в Туркестанском крае в 1873 г., она была реализована еще в 1848 г. первым учителем Джангеровского ордынского училища К.Ольдекопом. В своем рапорте от 6 декабря указанного года он писал следующее: «Осмеливаюсь всепокорнейше просить временный совет, не угодно ли будет дозволить приходить обучаться в школу детям русских жителей. <...> Я же со своей стороны принял бы эту обязанность на себя без всякого возмездия за труды – тем более, что это для пользы общественной, так как от этих же русских мальчиков, которые

вообще понимают и киргизский язык, могли бы ученики школы из киргизов скорее напрактиковаться в русском языке под наблюдением моим за всеми» [Алекторов, 1892, 10].

Оптимальным соотношением туземных и русских учащихся считалось 25% к 75%, поскольку при иной постановке дела киргизские дети могли разговаривать между собой на своем родном языке, от чего снижалась бы эффективность усвоения ими русской речи и вообще успешность школьных занятий.

Ключевые принципы совместного обучения в школах Российской империи были обобщены на Особом совещании по вопросам образования восточных инородцев под руководством А.С. Будиловича, проведенного по инициативе Министерства народного просвещения с 10 мая по 3 июня 1905 г. Исходя из уже имевшегося опыта, просветители и чиновники единодушно сошлись во мнении о необходимости предусмотреть подготовительный к совместному обучению этап, который, с одной стороны, позволил бы избежать снижения успеваемости русских детей, с другой – психологических травм у учеников, вовсе не владеющих русским языком.

Педагог и миссионер Н.А. Бобровников следующим образом описывал состояние туземных мальчиков, оказавшихся в механически совмещенном классе: «Подавленные массой новых звуков, не понимая преподавания и вызывая насмешки товарищей каждым ответом, эти действительно несчастные дети стараются все преодолеть трудом, учат все наизусть, целыми страницами и совсем себя забивают» [Будилович, 1905, 250].

Решить проблему необходимого «слияния» было предложено двумя путями при условии, что туземные ученики уже окончили первое отделение русско-туземной школы, а значит, уже немного говорят по-русски:

1. Учитель, предполагая присоединить к инородцам русских учеников, созывает последних недели за две-три до начала общих занятий, чтобы обучить их азам русской грамоты. Когда начинается совместное обучение, учитель должен так спланировать свой урок, чтобы успеть поработать с каждой группой учеников отдельно, а затем включить их в совместную деятельность. К примеру, при работе со статьей первые 15 минут урока отводятся на то, чтобы ознакомить туземных учеников с новой лексикой и незнакомыми им речевыми

оборотами. Русские ученики заняты в это время выполнением самостоятельного задания. По истечении отведенного времени они тоже включаются в работу над статьей.

2. Если учитель не имеет возможности вызвать русских учеников раньше начала учебного года, то организация учебного процесса в первые два месяца осуществляется следующим образом: инородцы приходят в школу часом позднее; этот первый час учитель посвящает русским новичкам; следующие 2-3 часа учитель, занимаясь со всем отделением, к примеру, письмом, рассаживает инородцев вместе с русскими и дает им время пообщаться между собой; на последнем уроке учитель отпускает русских и занимается с инородцами русским языком [Там же, 250-251].

Члены Совещания были уверены, что при вхождении русских детей, живущих среди туземного населения и мало-мальски говорящих на туземном языке, в инородческий класс, вовсе не владеющий русским языком, общим разговорным языком детей становился язык туземный. Борьба против этого мерами дисциплинарными была бессмысленна. Однако и в случае подготовки туземцев к совместному обучению уровень владения ими русским языком не всегда соответствовал уровню русскоговорящих. Успех реализации этого принципа в данном случае зависел, по мнению Бобровникова, «от умения учителя создать внеучебное сближение русских и инородческих учеников» [Там же, 251].

Не последнюю роль в этом процессе должен был сыграть учебник русского языка. Еще в 1842 г. в предисловии к своей книге «Уроки из русской грамматики» российский педагог А.Охотин упоминает о существовании двух разновидностей грамматик русского языка в зависимости от адресата: для носителей русского языка, а также для тех, для кого русский язык являлся иностранным.

Учебники второй группы составлялись индивидуально для каждой народности Российской империи, поскольку различным к середине XIX в. оставался функциональный и формальный уровень языка каждой из них. В Туркестанском крае активной кампанией по подготовке и изданию учебной литературы по русскому языку как неродному была ознаменована вторая половина XIX столетия. К числу таких работ относились *«Первая книжка после азбуки, для детей туземцев Туркестанского края, с переводом на киргизский и сартский языки»*

Г.С. Ячника (1886 г.), «Самоучитель русского языка для русско-мусульманских школ» М.М. Оракулова (1887 г.), «Киргизская хрестоматия. Сборник образцов народной литературы киргиз Туркестанского края» Я.Лютина (1883 г.), а также труды М.А. Терентьева «Ручная азбука для школ в Средней Азии. Сост. по поручению Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана» (1875–1876 гг.), «Русская азбука для Средней Азии» (1887 г.) и др.

Существенный вклад в подготовку учебной литературы по русскому языку для Туркестанского края вносила учрежденная в 1876 г. Переводческая Комиссия Православного Миссионерского Общества, которая оказалась, по сути, единственным издательским органом в стране, занимавшимся издательской и переводческой деятельностью, ориентированной на инородческое население, исповедующее не только православие, но и ислам. С 1893 по 1898 гг. на киргизском языке в свет вышли 16 наименований книг общим тиражом 27 025 экземпляров, среди них – учебники русского языка для киргизов, грамматики киргизского языка, русско-киргизский и киргизско-русский словари и пр. [Никольский, 1901, 52-56].

Развернутая в XIX в. методологическая и научно-методическая деятельность, обусловленная языковой политикой Российской империи на национальных окраинах, способствовала формированию основ билингвального образования в России и возникновению и разработке специальных методик преподавания русского языка, во второй половине XX в. получивших название «Методика преподавания русского языка как иностранного» (РКИ) и «Методика преподавания русского языка как неродного» (РКН). В целом накопленный в XIX в. опыт совместного обучения был использован в XX в. при обучении иностранных граждан в советских вузах и в значительной мере осваивается в современных российских учреждениях среднего образования при обучении детей мигрантов.

Национальный контингент в русских училищах Туркестанского края

На территории современного Кыргызстана пророссийская школьная система, окончательно сформировавшись к концу 80-х гг. XIX в., представляла

собой три типа школ – *начальные*, или низшие, включавшие в себя приходские, церковно-приходские, сельскохозяйственные, русско-туземные училища и начальные школы грамоты, *средние школы* – гимназии и прогимназии, а также *городские училища* по положению 1872 г. Они существовали наряду с традиционными мусульманскими школами религиозного толка – мектебе и медресе, неподконтрольными администрации края.

Наиболее широко на территории Туркестанского края была представлена сеть приходских школ. Согласно данным организованного в 1876 г. Управления по учебной части при туркестанском генерал-губернаторе, процент национального контингента в них был мизерным: на 489 русскоязычных учащихся приходских одноклассных училищ Пишпекского и Пржевальского уездов в 1902 г. не приходилось ни одного магометанина, в 1906 г. из 1275 учащихся только 22 были мусульманами, в 1907 г. из 1223 ученика – 19 [Обзор Семиреченской области за 1902 год..., 1903; Обзор Семиреченской области за 1906 год..., 1907; Обзор Семиреченской области за 1907 год..., 1908].

«Судя по школам, осмотренным мною в Семиреченской области, – писал Кауфман, – дети православного вероисповедания обучаются не в одних и тех же школах с детьми мусульман. Такое направление народного образования совершенно неверно. Не религиозное образование должно быть положено в основание воспитания русских православных или русских мусульман, а одни и те же правила, способные сделать тех и других одинаково полезными гражданами России» [Туркестанские ведомости, 1880].

Более привлекательным типом российских учебных заведений для коренных жителей Туркестанского края являлись городские училища, окончание которых открывало своим выпускникам доступ к поступлению на государственную службу. Ставившие своей целью «доставление детям всех сословий начального умственного и религиозно-нравственного образования» [Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения, 1877, т. 5, 1178], городские училища предоставляли мусульманам, кроме того, огромные льготы при зачислении. К примеру, согласно п. 35 Положения о городских училищах, в учебные заведения данного типа могли поступать дети не старше семилетнего возраста любых сословий и вероисповеданий без вступительных испытаний.

Дети старшего возраста – от 10 до 14 лет включительно – должны были знать молитву Господню, важнейшие события из Священной Истории Ветхого и Нового Завета, уметь читать и писать по-русски, а также считать. В примечании к этому пункту значилось следующее: «Дети не Православного исповедания, при вступлении в Городские училища, не подвергаются испытанию по Закону Божию. Дети инородцев принимаются в Городские училища до 14-летнего возраста без всякого испытания» [Там же, 1185].

Гарантом отсутствия прозелитизма в стенах городских училищ служило примечание к п. 13, гласившее: «Закон Божий преподается только детям Православного вероисповедания. Преподавание онаго детям иноверцев предоставляется попечению их родителей» [Там же, 1180].

Крайне важное значение имел п. 48, предусматривавший учреждение при городских училищах на счет земства, городских обществ, сословий и частных благотворителей пансионов общих ученических квартир. На территории Киргизии ученическая квартира существовала при Каракольском городском училище. В 1883 г. в ней было 20 киргизских мальчиков и 3 русских [Обзор Семиреченской области за 1883 год, 1884, 103], в 1884 г. – 15 киргизов и 7 русских [Обзор Семиреченской области за 1884 год, 1885, 108], в 1886 г. – 14 киргизов и 6 русских [Обзор Семиреченской области за 1886 год, 1887, 100].

Согласно обзорам Семиреченской области, в открывшемся в 1906 г. при Пишпекском трехклассном городском училище Интернате числилось 20 магометан, в 1907 г. – 16. В Интернате при Пржевальском четырехклассном городском училище в 1906 г. проживало 22 магометанина, в 1907 г. – 20 [Обзор Семиреченской области за 1902 год, 1903; Обзор Семиреченской области за 1906 год, 1907; Обзор Семиреченской области за 1907 год, 1908].

Процент инородцев, обучавшихся в городских училищах Семиреченской области, был следующим: в Пишпекском трехклассном городском училище в 1902 г. – 14%, в 1906 г. – 6%, в 1907 г. – 7%; в Пржевальском трехклассном городском училище в 1902 г. – 3%, в 1906 г. – 0%, в 1907 г. – 24% [Там же].

О том, насколько ничтожны были эти показатели, можно судить по данным, предоставленным Инспектором народных училищ Туркестанского края 1-го района С.М. Граменицким. В 1893 г. в Туркестанском крае функциониро-

вало 68 российских учебных заведений, в которых обучались 3623 русских и 88 туземцев. Между тем число учащихся в мусульманских школах (медресе и мектебе) составляло 77 711 магометан [Граменицкий, 1896, 88].

Работа над формированием привлекательного образа русской школы в глазах коренного населения Туркестанского края

В попытках выяснить причину нереализованности идеи совместного обучения детей переселенцев и коренных жителей региона в русских училищах администрация Туркестанского края неоднократно апеллировала к общественному мнению. На состоявшемся в конце 1883 г. в Ташкенте совещании учителей городских училищ Туркестанского края туркестанский просветитель Саттар-хан Абдулгафаров выдвинул тезис о том, что притоку местных детей в народные школы препятствуют религиозные предрассудки мусульман, которые обостряются ввиду того, что ни в одном из училищ не преподается мусульманское вероучение. «По моему мнению, – сообщал он в записке по этому вопросу, направленной на имя туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева, – чтобы не поколебать доверия народа и показать, что школы открыты единственно для пользы их, что в этом нет никакой задней мысли, следует допускать преподавание мусульманского вероучения по программе, положенной в медресе» [Арапов, 2004, 174].

Напомним, что официальная правительственная позиция относительно религиозного воспитания своих исламских подданных Туркестанского края состояла в признании «посторонняго вероучения» «лишним бременем» для русской школы [Остроумов, 1899, 128].

Несмотря на это, среди многочисленных пометок, сделанных генерал-губернатором М.Г. Черняевым на полях вышеупомянутой записки Саттар-хана, в части рекомендации сделать ислам школьной дисциплиной значился комментарий: «Необходимо ввести». Внимания заслуживает маргиналия «Совершенно верно», относящаяся к следующей мысли просветителя: «При преподавании русской грамоте рука об руку должно идти и обучение туземной грамоте. 1-й и 4-й пункты польстят туземцам и покажут, что обучение русской

грамоте есть лишь мера необходимая для их же благосостояния и что от них главным образом требуется знание родного языка и веры, дабы они могли быть учителями семьи и своего народа» [Арапов, 2004, 174-175].

«Восточное обозрение» на своих полосах уверяло, что «мусульманская грамота необходима для духовно-нравственных целей мусульман-киргизов и для житейских нужд каждого магометанина», а «видя, что языком этим не гнушается учебное начальство и администрация, туземцы с большим желанием будут отдавать своих детей в русскую школу» [Ядринцев, 1882, 8].

В полной мере принципы организации учебного дела в Туркестанском крае, обоснованные С.Абдулгафаровым, были реализованы в стенах русско-туземных школ. Со временем высшие чины пришли к осознанию того, что преподавание наряду с русским языком национальных было обусловлено не только необходимостью создания привлекательного образа русских школ в глазах местного населения, но и факторами, игнорирование которых могло существенно подорвать безопасность власти и социально-политическую стабильность Российской империи, являвшихся для центра приоритетами. Речь шла о ряде конкурирующих с русификаторским ассимиляционных проектов – пантюркизме и панисламизме. Противостоять им было возможно лишь в случае создания условий для формирования национальной идентичности своих среднеазиатских подданных, проистекающей из приобретенного осознания общности культуры, истории и, главное, национального языка.

Заключение

Следует признать, что русская школа Туркестанского края, первоначально получившая статус «универсального института», который должен был не только способствовать сохранению национальной идентичности русских переселенцев в регионе и развитию в них культуртрегерских качеств, но и стать проводником русского языка в среде коренных жителей, способствуя межнациональной интеграции, а также росту благосостояния населения, оказалась неспособной составить достойную конкуренцию мусульманским училищам и завоевать популярность в иноземной среде.

Достижению поставленных администрацией Туркестанского края перед русскими училищами целей препятствовал целый комплекс факторов – от финансового до национально-религиозного. Несмотря на это, на протяжении полувека в Туркестанском крае не прекращалась работа над поиском гуманистически выверенных, гибких и демократичных методов позиционирования русского языка через систему народного образования в регионе, отвечавшую текущим и перспективным потребностям социально-экономического развития Туркестанского края. Одним из них стала реализация идеи совместного обучения, потребовавшая соединения административного и научного ресурсов Российской империи для работы над необходимой для этого научно-методической базой, составившей основу современного билингвального образования в России.

Библиография

1. Алекторов А.Е. Материалы для изучения страны, истории и быта киргизов. Оренбург, 1892. Вып. II. 57 с.
2. Арапов Д.Ю. «Необходимо... заняться образованием края» (Саттар-хан Абдулгафаров о задачах русской политики в Средней Азии) // Вестник Евразии. 2004. № 1. С. 169-184.
3. Будилович А.С. (ред.) Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. 366 с.
4. Гейер И.И. Весь русский Туркестан. Ташкент, 1908. 338 с.
5. Граменицкий С.М. (сост.) Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896. 89 с.
6. Никольский А.В. Переводческая Комиссия Православного Миссионерского общества при Братстве Св. Гурия в Казани: очерк из истории православной миссии во второй половине XIX столетия. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1901. 70 с.
7. Обзор Семиреченской области за 1883 год. Верный, 1884.
8. Обзор Семиреченской области за 1884 год. Верный, 1885.
9. Обзор Семиреченской области за 1886 год. Верный, 1887.

10. Обзор Семиреченской области за 1902 год. Верный, 1903.
11. Обзор Семиреченской области за 1906 год. Верный, 1907.
12. Обзор Семиреченской области за 1907 год. Верный, 1908.
13. Остроумов Н.П. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания 1877–1881 гг. Ташкент: Типо-Литография торгового дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1899. 290 с.
14. Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1877. Т. 5. 2258 с.
15. Семёнов-Тян-Шанский П.П. (ред.) Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1913. Т. XIX. 861 с.
16. Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. СПб.: Типография А.С. Суровина, 1906. 173 с.
17. Туркестанские ведомости. 1880. № 34.
18. Ядринцев Н.М. Письма из Туркестана // Восточное обозрение. 1882. № 24. С. 8-9.

The "national question" in the concept of Russian schools in Turkestan: a historical and pedagogical excursus

Ol'ga L. Sumarokova

PhD in History, Doctoral candidate,
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin,
720000, 44 Kievskaya st., Bishkek, Kyrgyz Republic;
e-mail: futureya@rambler.ru

Abstract

The article deals with the main principles of solving the national question in the context of the development of the Russian school system in Turkestan in the

middle of the 19th – early 20th centuries. The perspective of the historical and educational process proposed in the article identifies the aspects that are usually ignored by modern researchers. Meanwhile, Russian schools in Turkestan throughout their existence remained free from national prejudices, opening their doors to all those who wanted to receive education, regardless of race or religion. The idea of collaborative learning was one of the phenomena of Russian imperialism. However, despite humanistic tendencies in the educational policy and the obvious advantages of Russian schools over Muslim confessional ones, the latter enjoyed great success among Muslims living in the region. This happened due to religious prejudice and cultural stereotypes of the indigenous population, a lack of financial resources for the creating an attractive image of Russian schools as places of work and places of education, the geographical location of the region. However, the experience of collaborative learning gained in the Russian Empire (both in Turkestan and in other regions of the country) has helped to lay the groundwork for bilingual education in modern Russia.

For citation

Sumarokova O.L. (2016) "Natsional'nyi vopros" v kontseptsii russkikh uchilishch Turkestanskogo kraya: istoriko-pedagogicheskii ekskurs [The "national question" in the concept of Russian schools in Turkestan: a historical and pedagogical excursus]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 1, pp. 71-86.

Keywords

Turkestan, Russian Empire, Kyrgyzstan, Russian schools, national question, collaborative learning.

References

1. Alektorov A.E. (1892) *Materialy dlya izucheniya strany, istorii i byta kirgizov* [Materials for the study of country, history and everyday life of the Kyrgyz], Part 2. Orenburg.
2. Arapov D.Yu. (2004) "Neobkhodimo... zanyat'sya obrazovaniem kraya" (Sattar-khan Abdulgafarov o zadachakh russkoi politiki v Srednei Azii) ["It is necessary... to improve education in the region" (Sattar-khan Abdulgafarov about the

- tasks of Russia's policy in Central Asia)]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], 1, pp. 169-184.
3. Budilovich A.S. (ed.) (1905) *Trudy osobogo soveshchaniya po voprosam obrazovaniya vostochnykh inorodtsev* [Proceedings of the special meeting on the issues of education of non-Russians living in the east of the country]. St. Petersburg.
 4. Geier I.I. (1908) *Ves' russkii Turkestan* [The entire Russian Turkestan]. Tashkent.
 5. Gramenitskii S.M. (comp.) (1896) *Ocherk razvitiya narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae* [An outline of the development of public education in Turkestan]. Tashkent.
 6. Nikol'skii A.V. (1901) *Perevodcheskaya Komissiya Pravoslavnogo Missionerskogo obshchestva pri Bratstve Sv. Guriya v Kazani: ocherk iz istorii pravoslavnoi missii vo vtoroi polovine XIX stoletiya* [The Translation Commission of the Orthodox Missionary Society of the Brotherhood of St. Guriy in Kazan: an outline of the history of the Orthodox mission in the second half of the 19th century]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoi.
 7. *Obzor Semirechenskoi oblasti za 1883 god* [A review of the Semirechie region for the year] (1884). Vernyi.
 8. *Obzor Semirechenskoi oblasti za 1884 god* [A survey of the Semirechie region for the year 1884] (1885). Vernyi.
 9. *Obzor Semirechenskoi oblasti za 1886 god* [A survey of the Semirechie region for the year 1886] (1887). Vernyi.
 10. *Obzor Semirechenskoi oblasti za 1902 god* [A survey of the Semirechie region for the year 1902] (1903). Vernyi.
 11. *Obzor Semirechenskoi oblasti za 1906 god* [A survey of the Semirechie region for the year 1906] (1907). Vernyi.
 12. *Obzor Semirechenskoi oblasti za 1907 god* [A survey of the Semirechie region for the year 1907] (1908). Vernyi.
 13. Ostroumov N.P. (1899) *Konstantin Petrovich fon Kaufman, ustroitel' Turkestanskogo kraya. Lichnye vospominaniya 1877–1881 gg.* [Konstantin Petrovich von Kaufman in Turkestan. Personal recollections (1877–1881)]. Tashkent: Tipolitografiya trgovogo doma "F. i G. Br. Kamenskie".

-
14. *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu Narodnogo Prosveshcheniya* [Collected decisions of the Ministry of Public Education] (1877) Vol. 5. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva.
 15. Semenov-Tyan-Shanskii P.P. (ed.) (1913) *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga* [Russia. A full geographic description of our Fatherland. A handbook and book for travellers], Vol. 19. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.
 16. Snegarev A.E. (1906) *Indiya kak glavnyi faktor v sredne-aziatskom voprose. Vzglyad tuzemtsev Indii na anglichan i ikh upravlenie* [India as the main factor in the Central Asian question. The Englishmen and their administration in the opinion of the natives of India]. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Surovina.
 17. *Turkestanskije vedomosti* [News in Turkestan] (1880), 34.
 18. Yadrintsev N.M. (1882) *Pis'ma iz Turkestana* [Letters from Turkestan]. *Vostochnoe obozrenie* [Eastern review], 24, pp. 8-9.